

* * *

В детстве, когда мой двоюродный брат
Любил строить карточные домики
И выдувать на них воздух из щек,
Я тихими руками вытягивала города
Из пыльных бабушкиных книг,
До которых всем давно уже не было дела.
Возводила целые улицы Ахматовой и Блока,
Кварталы Пушкина и Дюма,
Циферблатом укладывала сады Цветаевой,
Как клубнику на языке катая эти названия.
Площади мостила пухлой «Юностью» и «Новым миром»
И видела в них взлетную полосу песенного «далеко».
Потом тощими ножками я гуляла там Гулливером,
Но, в отличие от него, на тех улицах я была больше дома,
Чем в своей заправдашной квартире из бетона
И взрослых кризисов, щей и трехлитровых солений.
Я делала из книг кирпичики и клала стены,
Не читая,

Но потом я перестала играть в книжные города,
Потому что освоила беглое чтение.
А когда дед умер,
И из дома все повиытаскали, поделили,
Книги сгорели безмолвной грудой среди огорода.

*Мои первые
погребальные
курганы.*

* * *

Когда я встретила свою первую
любовь,
Планета остановилась, чтобы я смогла выжить
после восторга.
Он был голубоглаз и не по годам остроумен,
Как в романах.
(Я до сих пор говорю его шутками)
И предоставлен мне на долгие годы, по сорок минут с утра
С перерывами.
(Я едва радовалась каникулам)
Тогда я научилась говорить заново. За бесконечность
Нутряного молчания
Я монологами разливалась над клетками и чернилами,
Лишь бы он не останавливался,
Лишь бы был добр ко мне и весел, лишь бы был.
Я тогда очень глупо и неосторожно развела в стороны
Свои ребра.
И показала ему все органы, где, говорят,
душа.
(Не вру, что вернись назад, не стала бы)
И он не выкрикнул,
не отшатнулся,
не высмеял.
Я поверить не могла в его присутствие после,
И времени не хватало его украдкой
Любить.
(Потому что я знала: даже долгие годы заканчиваются)

Мне было одиннадцать,
но планета порой до сих пор
останавливается.

* * *

В детстве,
Когда только учишься восхищению,
Я смастерила себе сачок из проволоки
И рыжей сетки из-под картофеля,
Чтобы размахивать им как волшебным посохом,
И как в древних сказках вылавливала
красоту.
Красота барахталась, трепыхалась, падала,
Задыхалась в моих вспотевших ладонях,
Оставляла на пальцах цвет и сияние,
Вздрагивала.
А потом сутки билась на тонких иглах...
Я ее нанизывала, такую разную, такую живую,
Глагольную,
И раз в полчаса поглядывала, чтобы она утихла
В раскрытом виде.
Если приходилось, насильно разводила в стороны
Ее крылья. И придавливала.
Иначе взмахи сачком того не стоили.
Когда она замирала, как картина, как статуя,
Когда становилась совершенной, не распадающейся,
Я укладывала ее в желтую коробку из-под картошки фри.
К прочим остановившимся.
Каждые выходные я проверяла коллекцию,
Свой зимний сад, выдох на полуслове,
Тоску под ребрами.
Но в какую-то из суббот или воскресений
Моя кладовая красоты сторела с мусором в свежепобеленной
Бабушкиной печи...
Я ее оплакала и больше никогда
Не приносила жертв
красоте.
Потому что взмахи сачком того не стоили.

Дом бабушки и дедушки
я называла «Моя Тара».
Он был стар, покрыт известкой
и шумел трубами,
Но его подоконники были так широки,
что любая история
Могла на них поместиться вместе
с моими коленками.
У них был бесконечный огород,
наполовину засаженный
Картошкой, которую я гордо называла «плантацией»;
и клубника, которую мама
щедро сыпала в манную кашу,
когда напевала.
И все мои детские страхи и желания
взрастали в его фундамент.
У бабушки с дедушкой были десятки коров,
и кур, и свиней,
Которых я оплакивала, каждой осенью,
которых любила летом.
За моей плантацией цвел сиренью
и пионами бабушкин сад,
Я играла в нем в дочки-матери и на качели
взлетала выше криков, которые
иногда пропускали шелушавые голубые ставни.
А дальше –
острые иглы сосен нанизывали облака над лесом,
Который дедушка огородил и присвоил,
за который его и нас проклинали
недовольные, подслушанные голоса соседей.
Моя Тара была прекрасна,
Точно южные вечера в кинофильмах.
Она шуршала длинными
старыми платьями из комода,
Раздувалась куполами их подолов, когда я
до одышки
Танцевала в них перед старым холодным трельяжем.
Там,
с вершин шкафов и гвоздей, в стене следили хмурые,

Истощавшие от войн и голода
портреты прабабушек и прадедушек.
Они смотрели на мои танцы, мои песни,
книги на подоконнике,
Даже когда я просила,
пожалуйста, не смотреть, –
смотрели.

Моя Тара пахла как рассол и варенье,
как ветка сирени и черемухи,
Как порезанный палец и долгий дождь,
пахла конфетами, которые
мне дарил соседский мальчик,
как цепь велосипеда, на котором он меня катал,
а вслед нам кричали про «тили-тесто».

Моя Тара была теплой, как затопленная
трескучая печь,
Как шерсть с прялки, как длинные
белые свечи в рюмках,
Как мамины плечи и сухие
бабушкины ладони.

Я так хотела остаться, но
оказалось,
что Тара тоже
кончается.